

ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ.

Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ *).

О! если-бъ могъ я вылить звукомъ
Все сокровенное во мнѣ,
Дать выраженье думамъ, мукамъ —
Всему, что есть въ душѣ, въ умѣ,
Всѣмъ снамъ, сомнѣніямъ суровымъ,
Всю силу знаній, страсти жаръ
Могъ передать единымъ словомъ —
То былъ-бы громовой ударъ.
Но такъ какъ это лишь возможно
Въ минутномъ снѣ — не на яву,
То я умру, какъ и живу,
Съ своими думамъ, ничтожно,
И спрочу игъ, забывши сны,
Какъ бесполезный мечъ въ пожны.

Ча йльдъ-Гарольдъ. Пѣсня 3-я,
строфа ХСVII. Перев. Д. Минаева.

Въ 1832 году поступилъ я въ харьковское уѣздное училище. Для меня и для жившихъ со мною соучениковъ моихъ, въ числѣ 5—6 человекъ, былъ нанятъ *репетиторъ*, какой-то студентъ здѣшняго университета... Говорю „какой-то“ потому, что, по тогдашнимъ коимъ

*) Недавно, перебирая портфель своего покойнаго отца — кравчице разнообразныхъ посмертныхъ рукописей его, я остановился на полновѣсной пачкѣ бумагъ, особо связанной. Бѣгло пробѣжавъ набросавныя враскоря строки, я невольно задумался... Мнѣ вдругъ пришла на память одна историческая справка, совершенно случайно оставившая мое вниманіе во время занятій въ фундаментальной библіотекѣ здѣшняго университета, въ 1878 году. Дѣло въ томъ, что, пересматривая годовые экземпляры «Харьковскихъ Губер. Вѣдомостей» давно прошедшаго лѣтъ,

понятіямъ объ университетскихъ студентахъ, онъ нисколько не подходилъ подъ ту мѣрку, которою измѣрялъ я школьника и великаго, какъ тогда мнѣ казалось, человѣка — студента. Нашъ репетиторъ скорѣе походилъ на бурсака: Ёль, какъ слонъ; университетскія лекціи переплывалъ терпѣливо, какъ осель, и это было его исключительное занятіе; былъ онъ неразговорчивъ, мраченъ, нисколько не занимался нами, исключая того времени, когда понукалъ насъ, и не совсѣмъ вѣжливо, твердить уроки, или, выслушивая ихъ, исправныхъ учениковъ оставлялъ безъ вниманія, а увлекавшихся не столько грамматикою, сколько зеленюю расположеннаго подъ нашею хаткою огорода и дыханіемъ весенняго воздуха, удостоивалъ своимъ *вниманіемъ*... Пали, розги — были для многихъ изъ насъ тоже, что были *субботки* въ бурсѣ... Намъ стало невтерпѣжь, мы стали жаловаться... Репетитора смѣнили. Явился другой, но оказался не лучше. Дождались мы третьяго — чуть-ли не хуже прежнихъ.

я наткнулся на одну заинтересовавшую меня статью. Это было «Описаніе харьковской губерніи» С. И. Кованько, напечатанное въ неофициальной части «Харьк. Губ. Вѣд.» за 50-е года. Въ статьѣ этой авторъ, характеризуя харьковское общество начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, упоминаетъ, между прочимъ, о разныхъ, такъ называемыхъ, романтическихъ происшествіяхъ: о самоубійствахъ отъ любви и т. п., какъ о слѣдствіяхъ того, что харьковцы этого времени будто-бы слишкомъ увлекались такими сочиненіями, какъ «Коварство и Любовь» Шиллера, «Вертеръ» Гете и проч. При этомъ въ статьѣ г. Кованько есть намекъ на случай самоубійства студента медицинскаго факультета здѣшняго университета... Этотъ-то студентъ, по всѣмъ догадкамъ, и есть та личность, которая была избрана героемъ отысканнаго мною посмертнаго очерка моего отца. Содержаніе очерка показалось мнѣ нынѣшнѣмъ извѣстную долю общаго интереса, не столько впрочемъ какъ характеристика харьковцевъ какого-бы то ни было вѣка, сколько какъ психологическое явленіе въ жизни человѣка вообще. Рѣшаясь поэтому напечатать этотъ посмертный очеркъ отца, я, на всякій случай, считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь о приложенной къ рукописи оговоркѣ автора, что фамиліи дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи нѣсколько видоизмѣнены и что родственники и близкіе имъ лица не существуютъ. Самый очеркъ написанъ авторомъ въ 1862 году. Я измѣнилъ лишь заглавіе очерка, который въ рукописи былъ названъ ииенемъ и фамиліею героя: «Михайло Лковлевичъ Старолюдскій», я замѣнилъ переводъ эпиграфа къ очерку (XCVII строфа 3 пѣсни Чайльд-Гарольда) другимъ: вмѣсто неуклюжаго подстрочнаго перевода кн. Вяземскаго я взялъ стихотворный переводъ Д. Мянзева. —

А. А. Барымовъ.

Живо я помню, какъ мы радовались, когда насъ, послѣ долгаго зубренья убійственно-сухихъ книжонокъ, на которыя не падала ни одна капля живого слова изъ устъ педагога, выпускали, наконецъ, погулять—побѣгать по двору, перескочить въ бѣдный теперь, но тогда великолѣпный въ моихъ глазахъ огородъ, поиграть въ прятки. Ну, словомъ, каждая смѣна репетитора насъ радовала... Но пришла пора намъ и плавать объ этой смѣнѣ, и причиною этого былъ Михайло Яковлевичъ Старолюдскій.

Въ 1833 году поступилъ къ намъ репетиторомъ *онъ*, М. Я. Старолюдскій. Какъ ни радовались мы перемѣнѣ репетитора, въ надеждѣ встрѣтить *человѣка*, но все таки, при появленіи къ намъ Старолюдскаго, смотрѣли на него довольно недовѣрчиво... Кроткое лицо и ласковая рѣчь новаго лектора скоро разсѣяли эту недовѣрчивость, и не прошло мѣсяца послѣ его появленія въ нашемъ кружкѣ, какъ мы привязались къ нему со всею искренностью молодыхъ, благодарныхъ добротѣ сердець.

М. Я. Старолюдскій былъ лѣтъ 20 съ небольшимъ, довольно плечистый, средняго роста, сколько могу припомнить и сообразить теперь (многіе изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ въ то время, являлись, впоследствии къ величайшему моему изумленію, вовсе не такого роста, какой рисовался въ моихъ дѣтскихъ глазахъ: гигантъ оказывался приземистымъ). Черты его лица вообще были обыкновенныя, но оно отличалось добрымъ, кроткимъ, симпатичнымъ выраженіемъ. Особенно пріятна была его улыбка, съ которою онъ постоянно обращался къ намъ въ разговорахъ съ нами. Нѣсколько выдававшаяся впередъ нижняя губа его придавала ему видъ какого-то грустнаго недовольства. Любимая одежда его была—сюртукъ сѣраго сукна, персхваченный ремennemъ поясомъ со стальной пряжкой. Бѣлые откидные воротнички его рубашки стягивались едва замѣтнымъ легкимъ галстучкомъ, такъ что шея его вся была открыта. Полновѣсный галстухъ называлъ онъ ошейникомъ.

Запуганные суровостью и нелюдимостью прежнихъ нашихъ репетиторовъ, привыкшіе видѣть въ нихъ постоянно героевъ ругательствъ, линеекъ и розогъ, мы свачала съ недоумѣніемъ смотрѣли на кроткоо

обращеніє съ нами Михаила Яковлевича, недовѣрчиво слушали его ласковыя рѣчи. Бывало забываютъ Миша Хлоповъ или напроказить Федя Худошинъ, — Терентій, слуга и дядька нашего кружка, идетъ съ жалобою къ Михаилу Яковлевичу. Ждемъ грозы, не тутъ-то было! Наставникъ нашъ призоветъ къ себѣ провинившагося и вотъ чѣмъ наказываетъ его: „на васъ жалуются, сударь? Стыдно вамъ, сударь, что вы довели себя до этого! Пусть-же это будетъ вамъ наказаніемъ!“ И это наказаніє впоследствии сдѣлалось для насъ большіе линеекъ и розогъ, и мы старались избѣгать его.

Бывало, мы съ нетерпѣніемъ ждемъ той минуты, когда репетиторъ уйдетъ со двора. Только что захлопнется за нимъ фортка, мы книги въ сторону, на дворъ, въ огородъ, кто куда попало, и верѣдко прибѣгали къ благороднымъ рыцарскимъ упражненіямъ—къ кулачкамъ. Съ появленіемъ-же у насъ Михаила Яковлевича все измѣнилось: мы не только привыкли къ страшному такъ недавно присутствію репетитора, но даже скучали безъ него и съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія. Покажется овъ на форточкѣ—мы, какою-бы интересною игрою ни были заняты на дворѣ, бросаемъ все и съ веселымъ крикомъ: „Михайло Яковлевичъ пришелъ!“ бѣжимъ къ нему на встрѣчу и идемъ за нимъ въ комнату. Что-же насъ манило туда? Разказы и—кто-бы повѣрилъ? книги, книги, отъ которыхъ давно-ли бѣжали мы съ отвращеніемъ. Да, въ первый разъ, по милости Михаила Яковлевича, взглянули мы на книги не тѣмъ враждебнымъ взглядомъ, которымъ пріучили насъ глядѣть наши прежніе суровые педагоги. Онъ собиралъ насъ вокругъ себя, ложился на плоховую кровать въ низенькой, съ бревенчатыми стѣнами комнатѣ, рассказывалъ намъ—не помню что, но очень хорошо знаю, что рассказы его занимали насъ въ высшей степени. Чаше онъ читалъ намъ. Читалъ онъ преимущественно Пушкина и Шекспира: „Гамлета“ (котораго онъ въ особенности любилъ) въ переводѣ Вронченко, „Лира“ въ переводѣ Якимова. Что мы, дѣти, могли понимать въ Шекспирѣ? Но чтеніє Михаила Яковлевича всегда дополнялось разказами и объясненіями, и мы, если не вполне понимали автора, то, изъ словъ чтеца, угадывали красоты сочиненія и были близки къ сознательному пониманію ихъ. Отбросивъ книгу, онъ снова заводилъ съ нами бесѣду. Живо помню, какъ одинъ разъ поразилъ онъ насъ во-

просомъ: „Скажите, отчего мы, мужчины, любимъ женщинъ?“ Невѣжды въ отношеніи къ духовной сторонѣ этой любви, но уже порядочно знакомые съ другою стороною ея, мы съ изумленіемъ и отчасти со страхомъ (иѣкоторые даже со стыдомъ) переглянулись между собою. Онъ замѣтилъ наше смущеніе, улыбнулся своею кроткою, милою улыбкою и началъ намъ объяснять причину любви мужчинъ къ женщинамъ. Не могу теперь припомнить ни одного слова изъ его объясненій, но знаю, что мы услышали вовсе не то, что ждали услышать: и новы, и пріятны были намъ слова его...

Не могу вспомнить безъ глубокой благодарности за себя и за другихъ, имѣвшихъ близкія отношенія къ Михаилу Яковлевичу, о томъ, съ какимъ вниманіемъ, съ какою отеческою какъ-бы радостью слѣдилъ онъ за проявленіемъ какой-нибудь способности въ своихъ воспитанникахъ! Одинъ изъ насъ вздумалъ накропать стишки. Мы постарались довести ихъ до свѣдѣнія репетитора. Стиховъ онъ не похвалилъ, но совѣтывалъ маленькому автору ихъ не оставлять поэтическихъ занятій. „Прекрасно быть поэтомъ, сказалъ онъ, но поэтомъ истиннымъ; а кто знаетъ, чѣмъ вы можете быть? Пишите и показывайте мнѣ свои стихи“. Другой изъ насъ имѣлъ страсть къ рисованію, и Михайло Яковлевичъ ободрялъ ее всѣми силами. Онъ доставалъ ему краски, картины для копированья и, критикуя безпощадно каждую неудачную попытку юнаго живописца, постоянно твердилъ ему: „Прекрасная вещь живопись! У васъ, я замѣчаю, есть къ ней способность. Не бросайте ея! Богъ вложилъ въ васъ эту способность, и Онъ накажетъ васъ, если вы пренебрежете ею!“ Самъ онъ не занимался ни писаніемъ стиховъ, ни рисованіемъ. Эгоистической причины къ побужденію заниматься тѣмъ или другимъ, слѣдовательно, не было.

Года два былъ онъ у насъ репетиторомъ. Подъ конецъ своихъ занятій съ нами, онъ началъ чаще и чаще задумываться, рѣже бесѣдовалъ съ нами... Вообще я не замѣтилъ, чтобы онъ прилежно занимался студенческими тетрадами, быть можетъ, потому, что у него была, какъ я не разъ замѣчалъ, прекрасная память. Студентъ медицинскаго факультета, онъ очень не лестно отзывался о медицинѣ, какъ о наукѣ *шаткой*...

Онъ страстно любилъ музыку и театръ. Въ театръ онъ нерѣдко бралъ меня съ собою (ко мнѣ, не помню почему, онъ обнаруживалъ особенное расположеніе). Мнѣнія его о театрѣ изобличали въ немъ, какъ теперь вижу, знатока сценическаго искусства. Когда только что появился на сценѣ нашего театра Рыбаковъ, и мы увидѣли его въ драмѣ Шиллера „Марія Стюартъ“, въ маленькой роли рыцаря Паулета, Михайло Яковлевичъ, слѣдя внимательно за его игрою, замѣтилъ, что онъ не умѣетъ читать стиховъ, но современемъ, поучившись, можетъ быть очень хорошимъ актеромъ. Это и сбылось.

Чѣмъ ближе подходила наша разлука съ нимъ, которой никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, тѣмъ продолжительнѣе и мрачнѣе дѣлалась его задумчивость. Разъ, недѣли за двѣ до вѣчной разлуки съ нами, онъ сказалъ намъ, что видѣлъ во снѣ своего покойнаго отца, который звалъ его къ себѣ.. Потомъ, черезъ нашего, теперь покойнаго, дядьку Терентія, добылъ онъ себѣ пороху... За недѣлю до того, какъ мы разошлись съ нимъ, я прибѣжалъ къ нему съ радостнымъ восклицаніемъ: „Михайло Яковлевичъ, нынче играютъ вашу любимую „Марію Стюартъ“! Пойдемте!“ Онъ глубоко задумался и, наконецъ, сказалъ, какъ будто проснувшись: „пойдемте, въ послѣдній разъ!“ „Это почему?“ спросилъ я. „Такъ!“... отвѣчалъ онъ нехотя.

Дня за три или за четыре до катастрофы, поздно вечеромъ, когда мои товарищи уже спали, я и Михайло Яковлевичъ сидѣли за столомъ другъ противъ друга, при нагорѣвшей свѣчѣ. Онъ положилъ свои мощныя руки крестообразно на столъ, а на нихъ—голову; я сидѣлъ напротивъ него и чертилъ что-то карандашемъ на бумагѣ. Онъ вдругъ поднялъ голову, откинулъ ото лба свои довольно длинные бѣлокурные волосы, посмотрѣлъ на мое рисованіе и сказалъ: „рисуите мой портретъ!“ Я немножко сконфузился и, запинаясь, отвѣчалъ: „я не умѣю... я плохо рисую“... „Ничего, возразилъ онъ: хоть какънибудь, а не то вы вѣдь скоро меня забудете“...

14 числа октября пришелъ онъ къ моей матери и сказалъ, что онъ оставляетъ должность ренетитора, потому что ему нужно заняться съ его меньшимъ братомъ...

Нужно замѣтить, что онъ и его воспитанница квартировали въ домѣ моихъ родственниковъ, съ которыми проживалъ и я. Его мачиха

и замужняя тетка, ея родная сестра, Софья Доре, съ своими семействами жили недалеко отъ нашего дома.

Мать моя, дорожа такимъ наставникомъ, какъ Старолюдскій, стала упрашивать его, чтобы онъ не оставлялъ своихъ занятій со мною, — чтобы, по крайней мѣрѣ, позволилъ мнѣ ходить къ нему для занятій. Нехотя, послѣ долгихъ колебаній, онъ согласился... Это было вечеромъ. Когда онъ сидѣлъ у моей матери, мы, его ученики, печально собралися въ особомъ флигелькѣ, на сосѣдномъ дворѣ, гдѣ жилъ онъ и мои товарищи по училищу. . Темень и грустень былъ осенній вечеръ; но еще грустиѣе его были мы: мы знали, что добрый Михайло Яковлевичъ оставляетъ насъ! Сидѣли мы молча... Вотъ отворяется дверь, на порогѣ является нашъ добрый Михайло Яковлевичъ... Онъ остановился въ дверяхъ, сдѣлалъ усиліе улыбнуться, но когда увидѣлъ насъ печальными — глаза его подернулись слезами. Мы разомъ всё заплакали. Тогда онъ тихо засмѣяся, подошелъ къ намъ... „Ну, что-жь пригорюнились, что плачете? Увидимся!“ Потому онъ перецѣловалъ всѣхъ насъ, сказалъ отрывисто: „будьте счастливы!“ и быстро вышелъ изъ комнаты.

Больше мы его ужъ не видѣли!

На утро я иду къ нему въ его новую квартиру, для занятій — не застаю дома. На другой день — тоже, на третій — тоже. Но на этотъ разъ я замѣтилъ, что его мачиха и ея прислуга — всё въ какомъ-то разстройствѣ, съ заплаканными глазами... Кто-то сказалъ мнѣ, что Михайло Яковлевичъ *очень боленъ*... Наконецъ слышимъ, что Старолюдскій вмѣстѣ съ своею теткою кечезъ неизвѣстно куда, и вотъ въ городѣ зашумѣли, что они — *застрѣлились!*

И трупы ихъ нашли близъ теперешняго Холодногорскаго кладбища, на Лысой горѣ...

Вотъ извлеченіе изъ тѣхъ свѣдѣній, какія успѣлъ я собрать объ этомъ происшествіи.

15 октября было доведено до свѣдѣнія правленія университета о томъ, что студентъ Михайло Старолюдскій отлучился изъ г. Харькова съ своею родственницею, Софьею Доре, по дорогѣ на Холодную гору, *съ цѣлью лишить себя жизни*. Правленіе университета сообщило объ этомъ харьковскому полиціймейстеру. По распоряженію по-

лціймейстера, а также земскаго суда, было наряжено сорокъ человекъ понятыхъ для розысканія пропавшихъ. Послѣ аккуратныхъ и продолжительныхъ розысковъ, уже 20 октября, Старолюдскій и Доре были отысканы на Холодной горѣ—застрѣлившимися.

Искали ихъ почти цѣлую недѣлю. Если взять во вниманіе, что мѣсто ихъ самоубійства было въ точности извѣстно, то нельзя не удивляться такой продолжительности розысковъ, тѣмъ болѣе, что со стороны полиціи были приняты дѣятельныя для этого мѣры. Говорили въ то время, что несчастные любовники, оставивъ въ послѣдній разъ Харьковъ, посѣтили ближній къ нему (въ 8 верстахъ) куряжскій монастырь, исповѣдывались тамъ и причащались... Въ 9-мъ часу утра 20 числа мальчикъ-пастухъ, гоня свое стадо мимо урочища Лысой горы, увидѣлъ между кустами застрѣлившихся: „дивись, дядьку! сказалъ онъ своему спутнику,—паны въ кущахъ спятъ“...

Трупы лежали на взлѣсьи, около версты отъ заставы. *Онъ* лежалъ на правомъ боку; лѣвая рука его покоилась на *ея* груди. Былъ онъ одѣтъ въ шинель темно-сѣраго сукна, въ студенческій вицъ-мундиръ, подпоясанный кожанымъ кушакомъ со стальной пряжкой. Газовый жилетъ и рубашка на груди были разстегнуты; подъ бокомъ у него лежала трубка съ чубукомъ.

Она лежала рядомъ съ нимъ навзничъ, въ малиновомъ платьѣ, стянутомъ такимъ-же кушакомъ, какъ и онъ, въ капотѣ съ теплымъ воротникомъ. По лѣвую сторону отъ нихъ лежала пара новыхъ пистолетовъ, безъ зарядовъ, со спущенными курками...

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ нашли у него, на лѣвой сторонѣ груди, прямо противъ сердца, рану величиною въ діаметрѣ пальца въ два (такъ сказано въ медицинскомъ актѣ); на правой сторонѣ лица синеватое пятно. Въ боковомъ карманѣ вицъ-мундира отыскали двѣ пули и пороху заряда на два, а также два письма съ заглавіями: одно—„Судьямъ нашихъ труповъ“ и другое—„Друзьямъ моимъ“, и два печатныхъ листка.

У нея на срединѣ груди оказалась рана меньшей величины, чѣмъ у него; тѣло *ея* по направленію отъ раны къ шеѣ было обожжено порохомъ.

Лѣтъ имъ, по наружности, дали: ему—25, а ей—за 30

При разслѣдованіи, по поводу этого происшествія, было открыто слѣдующее.

15 октября, часа въ три послѣ обѣда, Софья Доре, проводивъ куда-то своего мужа, позвала къ себѣ свою крестьянку Ульяну Павлову и, одѣваясь, при ея помощи, сказала, что пойдетъ на имянины. Одѣвшись, она вышла за ворота и ожидала извозчика, за которымъ послала жившаго въ домѣ Доре мальчика Володьку. При ней въ это время были ея дѣти. Когда пріѣхалъ извозчикъ, она простилась съ дѣтьми, заплакала, сѣла на дрожки и поѣхала.

На другой день г. Доре встревожился продолжительнымъ отсутствіемъ своей жены, сталъ спрашивать прислугу и узнавъ, что она послала мальчика за извозникомъ, розыскалъ того извозчика, за которымъ послала. При допросѣ извозчикъ показалъ, что наканунѣ, послѣ обѣда, возилъ онъ какую-то барыню на Холодноторское кладбище. Когда онъ пріѣхалъ туда съ нею, она сошла съ дрожекъ, приказала ему подождать, а сама пошла на кладбище, ходила между памятниками и крестами и читала надписи. Минутъ черезъ десять послѣ этого, подѣхалъ къ кладбищу, на извозикѣ, какой-то баринъ въ сѣрой шинели и спросилъ прежде пріѣхавшаго извозчика: „кого ты привезъ?“ „Барыню“, отвѣчалъ извозчикъ. Узнавъ, что ему не заплачено, баринъ далъ по цѣлковому обоимъ извозчикамъ, сказалъ: „ступайте, васъ больше не надо!“ и пошелъ на кладбище.

При дальнѣйшемъ разъясненіи этого случая, М. И. Старолюдская показала, что она живетъ въ одномъ дворѣ съ Софьею Доре, только въ особомъ отъ нея флигелѣ. 15 октября, пополудни, приходила она къ своей сестрѣ Софьѣ, которая въ это время одѣвалась. На ея вопросъ: „куда ты идешь?“—Софья отвѣчала: „погостить къ Каш—мъ“. На другой день пришелъ къ ней, говорила Старолюдская, мужъ ея сестры и сказалъ, что его жена поѣхала на кладбище и тамъ осталась одна. Она этому не повѣрила, но потомъ узнала, что ея сестра у Каш—выхъ не была, а вскорѣ были отысканы у Софьи Доре три собственноручныхъ письма ея и одно—Старолюдскаго, изъ которыхъ узнала она, что ея сестра и пасынокъ рѣшились умертвить себя...

Старолюдская увѣряла, что, живя съ своею сестрою, она никогда не замѣчала ссоры между сестрою и ея мужемъ. Иногда онъ, подозрѣвая свою жену въ связи съ М. Я. Старолюдскимъ, дѣлалъ ей за то выговоры...

Всѣ, жившіе въ домѣ Доре, единогласно сказали, что они ничего неприличнаго или подозрительнаго не замѣтили между застрѣлившимися.

Г. Доре оправдывался такъ: „женившись на Софьѣ, онъ жилъ съ нею, какъ повелѣваетъ долгъ супружества и любилъ ее, какъ истинную жену, а она была предана ему, какъ истинному другу“. Въ удостовѣреніе этого онъ показалъ письмо, писанное къ нему, во время его отлучки, женою, по истеченіи десятилѣтняго супружества, при троихъ живыхъ дѣтяхъ... „Потомъ, увѣрялъ далѣе г. Доре, любовь жены къ нему переѣнилась, и она, „забывъ обязанности матери и оставивъ дѣтей безъ призрѣнія, занималась болѣе студентомъ Старолюдскимъ, который, какъ родственникъ, былъ въ то время принятъ для занятій съ сыномъ его, Доре... Не разъ онъ просилъ свою жену оставить предосудительное поведеніе съ молодымъ Старолюдскимъ, но она не слушала этихъ просьбъ... и въ концѣ того года такъ охладѣла къ нему и къ дѣтямъ, что, передъ своимъ побѣгомъ изъ дому, призналась ему, что его вовсе не любить, а къ дѣтямъ питаетъ отвращеніе, и вотъ, наконецъ, довершила, несмысленная, плоды праздности и волнаго обращенія и заставила его, т. е. г. Доре, мучиться на цѣлую жизнь“ и пр. и пр. „Если-же, слышавъ прибавить къ этому объясненію г. Доре, она въ своихъ письмахъ, найденныхъ послѣ ея смерти, и написала, что до самоубійства довело ее обращеніе съ нею ея мужа, то это она сдѣлала единственно къ оправданію своему, и письма ея не заслуживаютъ никакого довѣрія“.

За то, какъ письмо, заслуживающее высочайшаго довѣрія, рекомендовалъ г. Доре цѣлый полулистъ почтовой бумаги, исписанный почеркомъ *нѣсколько сходнымъ* съ почеркомъ его жены.

Письмо это, какъ значитса изъ многихъ *обстоятельныхъ* помѣтъ, было написано къ нему въ іюль 1835 года. Оно наполнено необыкновенными нѣжностями къ отцу и дѣтямъ, фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „какъ не любить такихъ дѣтокъ! Суди самъ: *какой долженъ быть извергъ отецъ или мать, которые не любятъ этихъ невинныхъ крошекъ! Но благодаря Бога, этого и насъ нѣтъ.*

и я всякій разъ благодарю Создателя *о ниспосланіи мнѣ такого нѣжнаго супруга*, который "... и пр. и пр. и пр., все въ такомъ родѣ. Тутъ-же слегка упоминается о томъ, что Коля, благодаря Михайлу Яковлевичу, каждый день занимается писаньемъ, потому что Старолюдскій каждый день приходятъ къ нимъ и ей всегда приносятъ хорошія книги...

Вотъ письма, найденныя послѣ смерти *ея* и *его*.

Письма Софьи Доре.

„Милая, любезная сестра, Машенька! прости, что я тебя такъ часто обманывала! Ты чиста и невинна, ты ничего не подозрѣвала. Забудь, забудь сестру свою, забудь всѣ горести, которыя я тебѣ причинила! Будь тверда, уповай на Бога, какъ ты всегда уповала. Ты теперь нужна не для одной Аниоты, но и для моихъ крошекъ. Ахъ, прошу, со слезами прошу тебя, будь имъ матерью и живи для нихъ, заступи имъ мое мѣсто. Ахъ, другъ единственный! смотри за моими дѣтьми, воображай ихъ своими. Смотри за ихъ чистотой, за нравами и скрой отъ нихъ мой поступокъ. Ахъ, заступи имъ мать! Особенно, мою Настеньку возьми къ себѣ... Будь ласкова съ моимъ мужемъ... Исполни мою послѣднюю просьбу о дѣтяхъ, а если не исполнишь — Богъ накажетъ тебя! Кланяйся моимъ знакомымъ, Барз—мъ, Сузи—мъ, Кац—мъ, Натальѣ Алексѣевнѣ и скажи ей, что я ей простила мое замужество. Прощай! Мы ужъ не увидимся. О, исполни, исполни мои просьбы на счетъ дѣтей! Не выходи замужъ. Ты знаешь, каково замужемъ. Постарайся, чтобы тѣла наши были вмѣстѣ положены въ могилу... Не продавай дома до возраста моихъ дѣтей... Въ бюро, въ зеленомъ платьѣ, въ лоскуткахъ найдешь 700 рублей. Сто изъ нихъ роздай бѣднымъ и дворовымъ... Не трогай дѣтей моихъ, особенно въ первое время, пока меня забудутъ... Ахъ, будь имъ мать, не различай ихъ отъ своихъ дѣтей; смотри, чтобъ каждую субботу ихъ кудали, чтобъ люди не обижали... Прощай! Прощай!“

„М. г, Григорій Осиповичъ! Когда вы будете читать эти строки, я уже не буду подлежать вашимъ велѣніямъ. Такъ, государь мой, ваши поступки со мною довели меня до такого положенія! Богъ видѣлъ, что я не могла сносить всего, что вы со мною дѣлали. Но я васъ прощаю, ибо вы не понимали меня. Простите-жь и мнѣ мой невольный поступокъ! Но я была благородна и умираю такою. Последняя моя просьба къ вамъ: если можете, то не женитесь, это сдѣлаете лучше. Скройте отъ дѣтей мой поступокъ, скажите имъ, что я не умерла, а куда нибудь уѣхала. Они меня забудутъ, а то будутъ худныя послѣдствія—вы знаете, какъ они ко мнѣ привязаны. Еще прошу васъ—удалите моихъ дочерей отъ книгъ и мужчинъ до замужества, и не принуждайте ихъ выходить замужъ ни угрозами, ни уговорами. Обходитесь съ ними ласково. Мои вещи и брилліанты... (тутъ слѣдуютъ распоряженія касательно имущества). Я пойду прогуливаться въ Валковскій лѣсъ или въ Каменковъ. Тамъ ищите меня. Простите меня, вы много причиною этого. Желаю вамъ всѣхъ благъ и остаюсь себѣ принадлежащая Софья“.

„Любезныя дѣти мои, Николай и Надежда! Благословляю васъ и Настасью! Любите другъ друга, будьте послушны панинѣкѣ, дѣдвнѣкѣ и тетянѣкѣ, какъ мнѣ; уважайте старшихъ. Ты, Николай, люби сестеръ своихъ, защищай ихъ и чаще читай тѣ наставленія, которыя я тебѣ переписала. О, милые ангелы мои! молитесь какъ можно чаще за вашу мать: ваши чистыя молитвы будутъ услышаны. Будьте кротки, не забывайте бѣдныхъ, какихъ-бы то ни было. Прощайте, да благословить васъ Богъ. Не плачьте за мною—вы знаете, что у Бога лучше, это я вамъ сколько разъ говорила“.

Письма Старолюдскаго.

„Почтенная маменька! Простите, простите, простите меня! Я васъ обманывалъ своимъ равнодушіемъ. Я любилъ невыразимо милую, достойную обожанія Софью. Любовь моя чиста, какъ молитва праведнаго. Первая любовь скляна, а я люблю въ первый разъ, люблю до изсту-

пленія. Добрая маменька, я былъ вамъ покоренъ, я хотѣлъ посвятить всю жизнь свою для васъ—это долгъ мой. Вы были избраны моимъ отцомъ, слѣдовательно, я долженъ былъ любить васъ, какъ родную мать. Я старался быть безпримѣрнымъ пасынкомъ... Если я оскорблялъ васъ тѣмъ, что отказывался жить у васъ, *то этому имѣлъ причины сильныя*. Вы ихъ должны знать. Анюта, прости: я долженъ былъ сдѣлать для тебя многое и не сдѣлалъ ничего. Предавшись непреодолимому, я не видѣлъ многого, касавшагося до моей обязанности. Прости меня, добрая мать, да наградишь тебя Богъ силами перенести поступокъ сына твоего. Богъ мнѣ простить, и ты, мать, простишь конечно. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте обо мнѣ. Мой духъ будетъ носиться надъ вами и просить Бога, да благословитъ васъ. Скажите моему безцѣнному брату, что я любилъ его, мучился безъ него, пока новое чувство не овладѣло мною. Шутя когда-то я говорилъ вамъ о моихъ похоронахъ—вы помните? Пусть Г. О. простить меня, что я похитилъ у его семейства мать. Онъ самъ виноватъ всему. Онъ насильно бросилъ мнѣ жену свою, и я не могъ не принять ее. Не сдѣлай онъ бѣшенаго поступка—ничего-бы не было, что было. Но онъ простить насъ; упросите его, иначе и ему не быть спокойну. Похороните насъ вмѣстѣ, въ одной могилѣ, въ одномъ гробѣ, если можно. Я долженъ быть въ мундирѣ, *она*—въ своемъ любимомъ платьѣ... Желалъ-бы я, чтобъ она и я имѣли на головахъ вѣнки изъ цвѣтовъ; покрывала должны быть бѣлыя, гробы бѣлые—въ знакъ нашей невинности. Избѣгайте пышности погребенія—это лишнее. Я и она любили музыку, а потому, прошу васъ, если мои товарищи не догадаются сами, навяты духовую музыку. Вы этимъ утѣшите насъ, вы сами почувствуете облегченіе: вы угодите намъ, а *угождать отрадно*. Мама, не плачьте! Чуть двинуть наши тѣла, то музыканты пусть играютъ маршъ на смерть Людовика. Тѣла наши приважите нести мимо моей квартиры, и здѣсь пусть остановится шествіе, и противъ моего жилища пусть сыграютъ панихиду Моцарта. Когда тѣла наши опустятъ въ могилу— пусть заиграютъ увертюру изъ Фрейшюца. Этимъ вы облегчите бывшія наши земныя страданія. Маменька, исполните, молю васъ, мою просьбу: она не прихоть... Я любилъ музыку. Если можно, похороните насъ, но непременно вмѣстѣ, подъ Валковскимъ лѣсомъ... Я прошу васъ

только объ одной музыкѣ... Если согласятся родители, то пусть позво-
 лять дочерямъ своимъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, сопровождать тѣла наши.
 Меня будутъ нести товарищи, С. Ив. не лишится этой чести, возда-
 ваемой истинной любви. Но музыка пусть будетъ непременно! Голова
 моя горячится, грудь болитъ, волненіе крови... Уже часъ по полуночи.
 Итакъ, отдохну еще земнымъ покоемъ. Прости, мамâ! Простите всѣ!
 Я желалъ всѣмъ дѣлать добро и, по возможности, дѣлалъ. Хозяинъ
 моей квартирн, надѣюсь, не откажетъ мнѣ въ нѣсколькихъ доскахъ
 для двухъ гробовъ: онъ меня уважалъ и не пожалѣетъ дать дерева
 для бывшего наставника его сына. Вы только скажите ему, что я
 просилъ его, то онъ не откажетъ. Гробы могутъ сдѣлать его масте-
 ровне, изъ коихъ я нѣкоторымъ помогалъ. Моимъ Софьѣ Яковл. и
 Ивану Акимов. напишите, чтобы они не плакали, а чтобы поминали,
 какъ брата, какъ друга. Пусть простятъ они меня! Степанъ Никитичъ,
 тетинька, Андриуша и всѣ мои родственники—пусть простятъ меня!
 Саша, милый Саша, прости! Отдайте шинель студенту Соколъ—му, я
 у него взялъ уже давно отъ дождя. Со мною часъ. Трубка дорожная
 пусть будетъ наслѣдствомъ Полит—го. 14 октября 1835 г., въ по-
 недѣльникъ.

„Друзья мои! Поэзія—мечта и дѣльному занятію мѣшаетъ!.. Про-
 стите меня, что я васъ лихо поддѣлъ. Вы видѣли меня равнодушнымъ,
 хладнокровнымъ, но теперь знайте, что наружность бываетъ обманчива.
 О, сколько стоило мнѣ труда казаться покойнымъ, когда я былъ у
 васъ. Благодаря вашей веселости, я былъ съ вами веселъ. О, други,
 помяните меня тѣмъ, что я любилъ... *Прекрасенъ этотъ міръ, пре-
 красивые въ немъ люди есть—и я оставляю этихъ людей пре-
 краснаго міра!* Простите!—Пожалуйста, смѣйтесь, когда судьба по-
 шлетъ къ вамъ на встрѣчу Полт—ва: зготъ смѣхъ и мнѣ будетъ
 отраденъ. Когда увидите Мурл—на, то вспомните анекдотъ о квар-
 тальному, десяткомъ и пьяномъ—тогда и мнѣ будетъ весело. Я вамъ
 много кой-чего написалъ-бы, но время дорого, пистолеты ждуть, чтобы
 дѣствовать ими. Простите! Хороните насъ съ музыкою, а не со слезами.
 Не оставьте моей доброй матери, утѣшите ее!—Вы знаете меня хорошо,

но не проникнули въ мои чувства, въ душу въ послѣдніе дни нашего свиданія. Я боялся вамъ открыть мои намѣренія, чтобы не пустились съ педагогическою важною уговаривать, читать мнѣ мораль, заставлять выбросить дурь изъ головы и т. д. Я не безуменъ, ибо... Но чѣмъ я могу оправдаться? Тысячи благочестивыхъ закричатъ, что я безуменъ, слѣдовательно, какъ мнѣ слабымъ голосомъ перекричатъ ихъ!— Вава, Костя, Николай, Тихонъ, Константинъ и всѣ мои друзья добрые, душевные, прощайте! Ну, кто изъ васъ вызовется сказать мнѣ: я надулъ тебя? Не вы, а я васъ надулъ! Но вы простите меня!— Курите, думайте, и поминайте меня поэзіей, пирогами, трубкою, смѣхомъ, крикомъ, виномъ, медициною, охотою и всёмъ! Стихи „Вайропъ“ Вяземскаго я желалъ-бы, чтобы были у Тихона“.

Судьямъ нашихъ труповъ.

„Есть много непопятнаго въ семь мірѣ. Напрасно вы будете изслѣдовать—какая внѣшняя причина заставила насъ рѣшиться на поступокъ, слѣдствіемъ коего, какъ видите, два трупа. Причины эти заключаются въ насъ самихъ; никто объ этомъ не знаетъ и не узнаетъ. Я купилъ порохъ, пистолеты и пули у знакомаго мнѣ купца, котораго уже нѣтъ въ Харьковѣ. Совѣтниковъ, помощниковъ я не имѣлъ; тѣмъ болѣе она не имѣла въ нихъ нужды. Я читалъ давно уже, что въ Кіевѣ есть мощи святаго, кажется Іоанна Многострадальнаго, который, будучи чрезвычайно страстенъ, лишилъ самъ себя жизни; слѣдовательно самоубійство не всегда противно Богу, и вы не можете доказать, что нашъ поступокъ не будетъ угоденъ Богу. Богъ есть любовь, говорить священное писаніе. Этому-то Богу чистѣйшей любви мы приносимъ въ жертву свою любовь чистую, платоническую, приносимъ потому такимъ страннымъ обрядомъ, что, видя непрочность всего подлуннаго, опасаемся, чтобы наша любовь не измѣнилась. Мы совершили вѣнчальный обрядъ, не вошедшій въ употребленіе, но не все, вошедшее въ употребленіе, есть похвальное, честное, чистое. Будьте живы и счастливы и помните, что вы смертны! Не издѣвайтесь надъ нашими трупами. Мы теперь духи, взирающіе на васъ судъ надъ нашими тѣлами. Мы были спокойны, не чувствовали угрызений совѣсти, слѣдовательно, мы

духи свѣтлые, свѣтоносные. Мы вѣрили въ Бога Троиственнаго, любили Его и въ жертву Ему приносимъ нашу любовь земную, чтобы Онъ наградилъ насъ вѣчною, небесною, неизмѣняемою!“

При этихъ письмахъ въ карманѣ Старолюдскаго найдены два печатныхъ листка, вырванныхъ изъ журнала „Московскій Телеграфъ“. Въ нихъ напечатанъ отрывокъ изъ стихотворенія князя Вяземскаго „Байронъ“, съ эпитафюмъ, который взялъ я за эпитафюмъ настоящаго очерка...

Въ отрывкѣ, между другими, есть слѣдующіе стихи:

„Мысль всемогуща въ насъ; но тотъ, кто мыслить, слабъ;

Мысль независима, но времени онъ рабъ.

Какъ искра вѣчности, какъ пламень безпредѣльный,

Съ небесъ запавшая она въ сосудъ скудельный:

Иль гаснетъ безъ вѣсти, или сожжетъ сосудъ“.

Убѣдныи судъ, разсмотрѣвъ слѣдствіе объ этомъ происшествіи, порѣшилъ: „какъ изъ дѣла ясно видно, что студентъ Старолюдскій, бывши домашнимъ учителемъ у Доре, вознмѣлъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ любовную страсть, тайно хранимую отъ мужа ея, который, прижѣлая о семь, хотя и упрекалъ свою жену, но совершенно дознаться не могъ, а сіе чувствуя, они, Софья Доре и Старолюдскій, и странася постыднаго надъ собою нареканія, рѣшились на произвольное убивство, и какъ въ семь преступномъ дѣйствіи участниковъ не обнаружено, то таковой случай убивства, на основаніи 2 части, 5 главы, 9 и 10 пунктовъ Военскихъ процессовъ, предавъ волю Божіей, дѣло по сему суду прекратить производствомъ, зачислить рѣшеннымъ и по срочномъ времени сдать въ архивъ, а до того хранить въ уголовномъ повѣтѣ“.

Такъ легко и просто разрѣшили ясно-видящіе судьи задачу, надъ которой, пожалуй, приадушается не одинъ глубокомысленный философъ... Да и какъ-же иначе было рѣшить *имѣл?*

Окончу свой рассказъ нѣсколькими словами о похоронахъ... Да, ихъ похоронили на городскомъ кладбищѣ, за сѣвornoю частью города...

Ихъ не закопали, какъ это обыкновенно бываетъ съ самоубійцами, на мѣстѣ убійства. Благодаря стараніямъ матицы Старолюдскаго, ихъ привезли въ дождь Доре. Это было въ ненастный, бурный осенній вечеръ. Помню, какъ длинные волосы усопшаго, всклокоченные вѣтромъ, придавали ему что-то страшное, когда несли его въ комнату...

На другой день весь дворъ Доре былъ наполненъ народомъ: необычайность происшествія взволновала весь городъ. Народъ тѣснился въ той комнатѣ, гдѣ на столахъ лежали рядомъ двѣ жертвы — чего? — всякій рѣшалъ по своему. Народъ наполнялъ дворъ, народъ тѣснился на улицѣ, у оконъ.. Не удалось мнѣ подслушать ни одного слова сожалѣнія о покойникахъ; брани и проклятій было довольно.. Но все это были *испо-видящіе*...

Одѣты были покойники такъ, какъ они желали. Его лицо было, какъ у живого: кротко и спокойно; ея лицо, довольно полное, — въ темныхъ пятнахъ...

Не помню, въ тотъ-ли день, или на другой, ихъ понесли на кладбище. Гробы ихъ были обиты бѣлою шелковою матеріею... Разумѣется дѣтски-мечтательной просьбы юноши не уважили: музыка за гробами не играла, дѣвицы не шли... *И то, что было, много уже было...*

По страшной слякоти, при мелкомъ холодномъ дождѣ, несли ихъ гробы полушьяные работники... За гробами шли матица покойнаго, мужъ покойной и я... Помнится, больше никого не было... Меня очень занимало длинное безжизненное лицо *супруга*, который шелъ поодаль отъ гробовъ, въ свѣтло-голубой шинели..

Когда гробы принесли на кладбище, ихъ поставили на время въ сторожку, потому что, кажется, могилы еще не были вырыты окончательно. Похоронили ихъ не въ одной могилѣ, какъ они оба желали, но могилы эти рядомъ, одна подлѣ другой... Онѣ недалеко отъ сторожки, на краю кладбища...

Когда я возвращался домой, дождь усилился, къ нему присоединился мокрый снѣгъ, который залѣплялъ глаза... Дождь и грустные думы овладѣли мною, и какъ ни былъ я въ то время молодъ, но мнѣ шевелилось что-то въ родѣ безотраднато восклицанія Гоголя:

„Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

А. Барымовъ.